

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Гетьман-Павлова И.В. —————

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ БЕРТРАНА Д'АРЖАНТРЕ В НАУКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА ФРАНЦИИ XVII ВЕКА.¹

Аннотация. В статье анализируются работы французских ученых XVII в., являвшихся последователями Бертрана д'Аржантре – основоположника французской теории статутов в международном частном праве. Сделан вывод, что теория трех статутов, предложенная д'Аржантре, практически не была воспринята во французской доктрине конфликтного права XVII в. Нам известны имена 17 ученых того времени, внесших большой вклад в развитие международного частного права, но только 3 из них можно считать последователями д'Аржантре (Поля Шаллина, Дениса Симона и Дениса Лебрена). Поль Шаллин впервые после д'Аржантре (после 80 лет практически полного забвения его теории) ввел в учение о конфликте закона правила, устанавливающие три класса статутов, – реальные, личные и смешанные. Диссертация Дениса Симона представляет собой свидетельство распространения и восприятия системы д'Аржантре во Франции в конце XVII в. Рассуждения Дениса Лебрена свидетельствуют о том значительном влиянии, какое к концу XVII в. сумела приобрести теория д'Аржантре. Благодаря работам трех этих ученых теория д'Аржантре в конце концов была принята на ее собственной родине.

Ключевые слова: международное частное право, XVII век, Франция, теория статутов, д'Аржантре, судебная практика, коллизии кутюмов, реальные статуты, личные статуты, смешанные статуты, Поль Шаллин, Денис Симон, Денис Лебрен.

В основе науки международного частного права лежит единственная теория – теория статутов. Она безусловно господствовала с XIV и до конца XVIII вв. и была закреплена в первых национальных актах европейских стран, содержащих коллизионные нормы и принятых в XVIII–XIX в. Теория статутов может считаться первой попыткой научного формулирования и систематизации начал международного частного права². Отказ от этой теории произошел только в трудах ученых XIX в., но в XX в. появилась

теория «неостатутариев», во многом основанная на классической теории статутов.

С точки зрения теории статутов, три места имеют особую важность в юридическом отношении: место жительства лица, место нахождения имущества и место совершения юридического действия. Но жительство лица может быть в одном месте, имущество его находится в другом, а какая-либо сделка совершается в третьем. Кроме того, каждое из этих мест может находиться под влиянием различных законов. Законы какого места должны применяться к данному юридическому отношению? Можно поставить вопрос иначе – к каким юридическим отношениям применяются законы места жительства, к каким – законы места нахождения имущества, к каким – законы места совершения действия?

Законы первого рода называются персональные статуты (*statuta personalia*), второго – реальные статуты (*statuta realia*), третьего – смешанные ста-

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0052 «Доктрина в системе источников международного частного права», реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012–2013 гг.

² Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных государств. В 2 т. СПб., 1904–5. [Электронный ресурс РГБ.]

туты (*statuta mixta*). *Statuta personalia* определяют личные отношения гражданина, касающиеся непосредственно его личности (состояние лица, его право– и дееспособность). *Statuta realia* применяются к юридическим отношениям, касающимся вещей. Свойства имущества (движимое ли оно или недвижимое, родовое или благоприобретенное), т.е. права, которым могут подлежать вещи, способы приобретения и прекращения прав на вещи обсуживаются по законам их места нахождения. *Statuta mixta* определяют юридические отношения, касающиеся действий. Общее правило о применении законов к действиям – действие обсуживается по законам места его совершения. Технически это правило выражается формулой *locus regit actum*³.

Исторически первое направление в теории статутов – итальянская школа (середина XIV в. – конец XVI в.). Ее основателем является Бартоло да Сассоферрато (1314–1357), которого называют «отцом теории статутов и человеком, впервые проводившим различия между личным и реальным статутами»⁴. Бартоло выводил конфликтные нормы из понятия статута, полагая, что эти нормы могут быть найдены путем отнесения закона материального права к той или иной категории – законы о лицах (личные) или законы о вещах (реальные). В своей теории он выделял два вида статутов – персональные (имеющие экстерриториальный характер) и реальные (имеющие территориальный характер). При этом Бартоло никогда не утверждал, что все законы делятся только на эти две категории⁵.

³ Именно так теория статутов интерпретировалась практически во всей русской дореволюционной литературе. См., напр.: *Люблинский П.* Коллизия // Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. Т. 24. М., б.г. [Электронный ресурс РГБ.]; *Мальшев К.И.* Курс общего гражданского права России. Т. 1. СПб., 1878. [Электронный ресурс РГБ.]; *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. 6-е изд. СПб., 1894 // СПС Консультант+

⁴ *Kalensky P.* Trends of private international law. Prague, 1971.

⁵ Подробнее о теории статутов Бартоло см.: *Гетьман-Павлова И.В.* Наука международного частного права: теория реального и личного статутов в учении Бартоло де Сассоферрато // Журнал международного публичного и частного права. 2008. № 3; *Гетьман-Павлова И.В.* Наука международного частного права: дозвоительный и запретительный статуты в теории Бартоло де Сассоферрато // Журнал международного публичного и частного права. 2008. № 5.

Свою полную и законченную формулировку теория статутов получила в работе известного французского ученого Бертрана д'Аржантре (1519–1590). С XVI в. именно за ним прочно утвердилось звание родоначальника «теории статутов». Д'Аржантре достаточно резко дистанцировался от Бартоло и сторонников его школы («юристов-схоластиков», бартолистов). Основным принципом его теории стал постулат: «Все кутюмы реальны». Французский ученый разделил все законы на три категории (личные, реальные и смешанные), создав строгую систему, которая отличалась от теории Бартоло не только тенденцией к усилению реального характера норм, но и своим принципом, духом, методом⁶.

Рассуждая о коллизиях кутюмов, д'Аржантре стремился установить общие руководящие принципы для практического разрешения конфликтных вопросов, т.е. ставил себе задачу, которую в XIV в. пытался разрешить Бартоло да Сассоферрато. Как считает А.Н. Макаров, унаследована была не только сама задача, но и подход к ее разрешению – как и Бартоло, д'Аржантре стремился, установив виды статутов, найти для каждого вида неизменное конфликтное содержание⁷. Идея, что коллизионная норма может быть определена путем отнесения закона материального права в какую-либо группу, представляет собой продолжение идеи Бартоло, который выводил конфликтные нормы из понятия статута. В теории д'Аржантре за основу принимается объект регламентации – вещь или лицо.

В целом учение д'Аржантре можно свести к следующим положениям. Существует два рода законов. Одни относятся к вещам и имеют безусловную силу на своей территории, не имея никакого значения за ее пределами. Другие относятся к лицам и имеют силу не только на своей территории, но и повсеместно. Первые образуют группу реальных статутов, вторые – группу личных статутов. Если возникает сомнение, является ли статут личным или реальным или норма отчасти относится к вещам и отчасти к лицам, то презюмируется реальный характер статута: «*Omnia*

⁶ Подробнее о теории д'Аржантре см.: *Гетьман-Павлова И.В.* Бертран д'Аржантре в науке международного частного права // Международное право и международные организации. 2010. № 4.

⁷ *Макаров А.Н.* Основные начала международного частного права. М., 1924. [Электронный ресурс РГБ.]

statute in dubio realia» («все сомнительные статуты являются реальными»)⁸. Во многих случаях закон говорит не только о недвижимостях, но и о лицах; такой закон можно назвать смешанным. По своему территориальному действию он не отличается от закона, который говорит исключительно о вещах, и должен быть отнесен в группу реальных статуты. Смешанные статуты по существу не имеют самостоятельного значения, они в основном помогают разграничивать реальные и личные статуты (и в итоге увеличивают группу реальных).

Теория о трех видах статуты была предложена д'Аржантре в его «Комментариях к кутюмам Бретани»⁹ (*Commentarii in Patrias Bretonum leges; des Donations, art. 218, Glossa 6*), написанных в 1584 г. (комментарий к ст. 218 «О дарениях» (глосса 6)). К концу XVI в. теория д'Аржантре утвердилась в юриспруденции наряду с итальянской доктриной. Несмотря на то, что у этих концепций есть общие точки соприкосновения, они, однако, несли в себе два противоположных начала. Итальянская теория при решении конфликтных вопросов отдавала приоритет личному (экстерриториальному) принципу, теория д'Аржантре утверждала абсолютный приоритет реального (территориального) начала. Категория смешанных статуты, по существу, только расширяла круг реальных, поскольку смешанные статуты объявлялись строго территориальными.

С конца XVI в. два течения (последователи Бартоло и последователи д'Аржантре) формировались параллельно (одно во Франции, другое в Нидерландах). Во Франции долгое время господствовала итальянская доктрина; теория д'Аржантре получила здесь более позднее признание (в отличие от Нидерландов, где к ней сразу же были настроены благосклонно). В конце XVII – начале XVIII вв. эти два течения совпали и объединились во Франции¹⁰. Французские юристы собрали все описания, огромное число судебных решений и привнесли теорию д'Аржантре в основу теории

статуты в ее окончательном варианте. Однако идеи д'Аржантре были приняты не без оговорок; итальянская доктрина продолжала действовать, была закреплена в судебной практике и имела огромное влияние.

Итальянская доктрина сохранялась в работах Парижского парламента и в принципе была воспринята практикой французских судов. С XIV в. решения французских судов были одним из самых востребованных источников права. Благодаря деятельности юристов судебная практика полностью развилась и утвердилась в XVI в. Воззрения юристов считались первыми источниками судебных решений. С другой стороны, доктринальные построения французских юристов, начиная с XVI в., всегда опирались на судебную практику. Для развития теорий конфликтного права чрезвычайно значимую роль сыграли решения Парижского парламента от 14 августа 1547 г. (которое впоследствии цитировали все французские авторы) и от 28 августа/2 сентября 1600 г.¹¹ (которое стало образцом для всей судебной практики и также исследовалось всеми французскими авторами).

В решении 28 августа/2 сентября 1600 г. «по следствию, касаемому господина Фортия, в пользу Антуана Потье, апеллянта сенешаля Бомон или его лейтенанта а ля Феш против Фонтэн»¹², утверждалось, что является абсурдной ситуация, когда один кутюм одного человека признает совершеннолетним, а другой кутюм признает его несовершеннолетним, устанавливая таким образом разную способность по распоряжению своими вещами при равных условиях. Решение аннулировало продажу недвижимости, находящейся под кутюмом Анжу, совершенную жителем, домицилий которого

⁸ Цит. по: *Вольф М.* Международное частное право. М., 1948.

⁹ *D'Argenté B.* Commentarii in Patrias Bretonum leges. P., 1614. Цит. по: *Манделъштам А.Н.* Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т. I. СПб., 1900 // СПС Консультант+

¹⁰ *Laine A.* Introduction au droit international privé. P., 1888. [Электронный ресурс РГБ.]

¹¹ Впервые это решение упоминается в работе Ж. Луэ, который поставил другую дату – 28 сентября. Вслед за ним практически все французские авторы, в том числе и в XIX в., называли именно эту дату. См., напр.: *Laurent F.* Droit civil international. Bruxelles, 1880. Как пишет А. Ленэ, Луэ допустил неточность – решение состоялось 2 августа. Эту неточность заметил Ж. Бродо и исправил дату, использованную Луэ (Бродо поменял 28 августа на 2 сентября). См.: *Laine A.* Introduction au droit international privé. P., 1888. Поскольку у разных авторов встречаются обе даты (а речь идет об одном и том же решении), представляется целесообразным использовать компромиссный вариант – «решение от 28 августа/2 сентября 1600 г.»

¹² *Laine A.* Introduction au droit international privé. P., 1888.

находится под властью кутюма Санли. Кутюм Анжу устанавливал совершеннолетие в 20 лет; кутюм Санли – в 25. Продавцу было 20 лет, следовательно, по кутюму своего домицилия он был несовершеннолетним, а по кутюму места нахождения вещи – совершеннолетним. Таким образом, решение Парижского парламента подчинило дееспособность лиц закону их места жительства¹³. По существу, данное решение опровергало постулат, безусловный для д'Аржантре и большинства французских юристов XVI–XVII вв., – все кутюмы имеют реальный характер.

Отправной точкой французской теории статутов является 1584 г., когда д'Аржантре выпустил свой Комментарий к кутюмам Бретани. Однако подавляющее большинство французских ученых XVII в. можно причислить к школе бартолистов. Как это ни странно, но французские юристы в XVII в. практически не проявили интереса к системе, предложенной «бретонским комментатором». Нам известны имена 17 французских юристов XVII в., внесших большой вклад в развитие науки международного частного права, но только 4 из них можно считать последователями д'Аржантре (да и то с большими оговорками).

Поль Шаллин (Paul Chaline, годы жизни неизвестны), адвокат Парламента, автор «Общего метода понимания кутюмов Франции» (*Méthode générale pour l'intelligence des Coustumes de France*). Впервые это «маленькое произведение» было издано в 1666 г.

«Общий метод» Шаллина состоит из 15 правил. Объектом четырнадцатого правила, которое называется «Правила, необходимые для того, чтобы показать разницу между распоряжениями персональными, реальными и смешанными», является конфликт законов. Само правило сформулировано таким образом: «Предписания кутюмов бывают персональными, реальными и смешанными»¹⁴. В самом начале своей работы Шаллин отмечал, что правила, касающиеся деления кутюмов на

личные и реальные призваны решить «наиболее знаменитые и наиболее сложные вопросы, которые только могут возникнуть в стране, где преобладает право кутюмов... это важные правила, которым руководствуются в самых сложных вопросах, взяты из доктрины адвоката Шарля дю Мулена; из работ Бальда и господина Кюжас; главное – из Комментариев к кутюмам Бретани господина д'Аржантре»¹⁵. А. Лэне выражает удивление, что для формулировки своей теории Шаллин пользуется именами тех, «кого удивительно видеть собранных вместе»¹⁶.

На самом деле в этом нет ничего удивительного. По мнению некоторых авторов, тройственное разделение действующего законодательства на личные, реальные и смешанные статуты было подготовлено Бартоло да Сассофerratо в его Комментарии на первый титул первой книги Кодекса Юстиниана. Бартоло расширил теорию о двух группах законов, введя третью группу норм. Они касались формы договоров и их последствий и впоследствии были названы смешанными статутами¹⁷. Идея установить третью группу статутов принадлежала не д'Аржантре; он только сформулировал ее прямым и непосредственным образом.

Шаллин впервые после д'Аржантре (после 80 лет практически полного забвения теории бретонского комментатора) вводит в учение о конфликте закона правила, устанавливающие три класса статутов, – реальные, личные и смешанные¹⁸. Парадоксально, но именно Шаллин, выступавший за единство французского права и утверждавший, что множественность кутюмов приводит к беспорядку среди французов, предложил применять доктрину д'Аржантре в качестве основного способа для решения проблем, возникавших из конфликтов между кутюмами. В произведении, посвященном установлению общего регулирования, когда необходимость устранения различных кутюмов была признана почти всеми французскими юристами, Шаллин использует теорию, основным принципом

¹³ Мережко А.А. Наука международного частного права: история и современность. Киев, 2006. При этом необходимо отметить, что многие французские исследователи, ссылавшиеся в своих работах на это решение, интерпретировали его совершенно иначе, например, Р. Шоппен.

¹⁴ Chaline P. *Methode generale pour l'intelligence des Coustumes de France*. Paris, 1666. Цит. по: Laine A. *Introduction au droit international privé*. P., 1888.

¹⁵ *Ibidem*.

¹⁶ Laine A. *Introduction au droit international privé*. P., 1888.

¹⁷ Никольский Д.П. *Международное право*. СПб., 1903. [Электронный ресурс РГБ.]; Вольф М. *Международное частное право*. М., 1948.

¹⁸ Meili F. *Geschichte und System des Internationalen Privatrechts*. Leizig, 1892. [Электронный ресурс РГБ.]

которой является сохранение независимости местных кутюмов. Получается, что для реализации общности следует руководствоваться доктриной, в принципе отрицающей общность права. По-видимому, Шаллин просто был соблазнен внешней простотой теории д'Аржантре, ее системным характером¹⁹. Впрочем, в литературе высказывается мнение, что Шаллин всего лишь «как будто» принимает доктрину д'Аржантре²⁰.

Шаллин пользуется классификацией, предложенной д'Аржантре, и оперирует категорией смешанных статутов. Однако по сути он воспринимает только терминологию и общую систему, но построениям д'Аржантре практически не следует. Шаллин применяет эту систему с многочисленными изменениями. В итоге теория самого Шаллина полна противоречий. Прежде всего, его теория составлена путем смешения итальянской и французской доктрин.

По вопросу личных статутов Шаллин пытается соединить воедино определения д'Аржантре и Ш. Дюмулена²¹, которые в действительности несовместимы. По его мнению, с одной стороны, постановления, которые касаются неспособности лица, должны следовать за ним в пространстве и относительно всего имущества, даже относительно того, что расположено на той территории, где данное лицо считалось бы дееспособным, так как «это постоянная максима *statuta municipalia nunquam disponunt super capacitate aut habilitate eorum qui non sunt in potestate statuti*²², – так говорит Павел де Кастро в комментарии к закону *Cunctos populos*»²³. Шаллин пытается объединить решение итальянской школы с решением д'Аржантре, которое тот признавал только для меньшинства случаев. Одновременно Шаллин отвергает принцип, что все законы о вещах явля-

ются реальными или, как минимум, смешанными (т.е. подобны реальным статутам).

С другой стороны, положения, которые касаются дееспособности лиц, ограничены своей территорией и не могут касаться недвижимости, расположенной под влиянием кутюмов, где это лицо считается недееспособным: «Кутюмы не имеют силы за своими пределами. . . кутюмы являются реальными»²⁴. Здесь мы видим явное влияние д'Аржантре, но с существенными отклонениями – Шаллин считает такие постановления смешанными (д'Аржантре относил их к персональным). Шаллин составляет свой собственный, абсолютно произвольный класс смешанных статутов. К тому же он опускает основное правило д'Аржантре (для того, чтобы считаться персональным, закон должен касаться лица *abstracte ab omni materia reali*). Зато он применяет другое правило д'Аржантре (для того чтобы быть персональным, закон должен касаться лица *universaliter*), но предлагает такое разграничение универсальных и специальных постановлений о статусе лица, которое «бретонскому комментатору» просто не могло придти в голову.

«Четырнадцатое правило» Шаллина разбито на четыре рубрики.

1. К личным статутам относятся те, которые обращены главным образом к лицу. Но *lex domicilii* во всех случаях подчиняется только недееспособность лица. Житель провинции Санли (Senlis) не может распоряжаться недвижимостью в Анжу до 25-летнего возраста, хотя в Анжу совершеннолетие наступает в 20 лет. Точно так же способность замужней женщины распоряжаться своим имуществом только с согласия мужа всегда подчиняется *lex domicilii*. Дееспособность вообще определяется по *lex domicilii*, но только если это касается движимого имущества. Дееспособность относительно недвижимостей зависит от *lex rei sitae*, так как кутюмы не имеют силы вне своих пределов. Поэтому житель Анжу не может распоряжаться недвижимостями, находящимися в Париже, пока не достигнет 25-летнего возраста, которого требует кутюм Парижа.

По вопросу о мещанской опеке (*garde bourgeoise*), которая относится к личному статусу, Шаллин проводит разграничение между дееспособностью и недееспособностью. Опекун-

¹⁹ Laine A. Introduction au droit international privé. P., 1888.

²⁰ Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т. I. СПб., 1900.

²¹ О теории Ш. Дюмулена см.: Гетьман-Павлова И.В. Шарль Дюмулен – основоположник теории автономии воли в международном частном праве // Журнал Высшей школы экономики «Право». 2009. № 3.

²² Муниципальные статуты не управляют правоспособностью и дееспособностью тех, кто не подчинен власти статута.

²³ Challine P. Methode generale pour l'intelligence des Coustumes de France. Paris, 1666. Цит. по: Laine A. Introduction au droit international privé. P., 1888.

²⁴ Ibidem.

родитель из города Шартр не может пользоваться доходами с земель, находящихся в Париже, так как такое пользование запрещено в Шартре, и права опекуна определяются по закону места учреждения опеки. Парижский родитель-опекун не имеет прав пользования именем своих малолетних детей в Шартре, потому что его права не действуют за пределами Парижа. Мещанская опека имеет личный характер, не касаясь лиц, живущих вне пределов кутюма Парижа, и не действует на земли, лежащие в других кутюмах. Точно так же дед или бабушка, жители Шартра, не могут пользоваться доходами с земель в Париже, так как обычай Шартра допускает опеку только отца или матери; наоборот, парижские дед и бабушка не допускаются к пользованию плодами в Шартре. Права опеки на движимости всегда определяются по закону страны, где она учреждена (*la coutume du lieu ou elle est établie*)²⁵.

2. К реальному статусу Шаллин всецело относит порядок наследования недвижимостей по завещанию или по закону²⁶. Завещания иностранцев несколько не влияют на французскую недвижимость; ее могут наследовать только французы. Одно и то же лицо в разных кутюмах может быть одновременно и наследником, и легатарием. Ограничения воли завещателя имеют исключительно территориальное значение.

3. Смешанные статусы касаются лиц и вещей, но преимущественно имеют в виду вещи и права на них. К смешанным статусам Шаллин относит отречение дочери от наследства, дарение или завещание одного супруга в пользу другого, дворянскую опеку²⁷. Эти статусы не действуют вне пределов территории.

4. Четвертая рубрика озаглавлена весьма своеобразно: «Каких законов следует держаться в вопросах о форме контрактов, дарений и процедуры; а также для определения свойства рент, должностей, невещественных прав и других вещей». Это очень

интересные и разнообразные вопросы, которые почему-то сведены в одну рубрику. Коллизионные вопросы процедуры в принципе всегда стояли отдельно и со времен глоссаторов (с 1200 г.) подчинялись *lex fori*. Но Шаллин об этом ничего не говорит. Вопросы «невещественных прав» близки к вопросам прав на бестелесные вещи (права интеллектуальной собственности, понятие которых тогда отсутствовало). Шаллин практически первым акцентирует внимание на этой проблеме, но не отдает себе в этом отчет.

Все эти вопросы Шаллин подчиняет *locus regit actum*, не заботясь о том, можно ли совместить данное правило с общим принципом реальности кутюмов, и не задумываясь, насколько разные вопросы он подчиняет одной коллизионной привязке. Декларируя применение *lex loci actus*, Шаллин просто избавляется от необходимости согласовать этот принцип с принципом реальности кутюмов. По мнению А.Н. Мандельштама, «трудно найти пример более наглядного самоопровержения»²⁸.

В литературе XIX века работа Шаллина подвергалась серьезной критике. А.Н. Мандельштам утверждал, что конец «XIV правила» служит одним из убедительнейших доказательств несостоятельности теории, которая думает заключить все законы в рамки личных, реальных и смешанных статусов²⁹. А. Лэне писал, что Шаллин, представляя разграничение законов (сделанное д'Аржантре) как основной принцип своих Правил, в общем делает неправильные выводы. Ход его мыслей является неопределенным и ошибочным, по крайней мере, тогда, когда он стремится установить правила, способные разъяснить все затруднения. В целом теория Шаллина состоит из заимствований, взятых из всех систем; вся его диссертация «находится под эгидой Бальда, Дюмулена и д'Аржантре»³⁰. Например, Шаллин, не оспаривая и без сомнения, принял мнение Дюмулена, касающееся эффекта общности кутюмов.

Такой резкий негатив представляется несправедливым. Во-первых, Шаллин восстановил в научном обороте деление статусов на три группы, которое будет востребовано и в голландской

²⁵ *Ibid.* Цит. по: Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т. I. СПб., 1900.

²⁶ Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т. I. СПб., 1900.

²⁷ *Challine P. Methode generale pour l'intelligence des Coustumes de France. Paris, 1666.* Цит. по: Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т. I. СПб., 1900.

²⁸ Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т. I. СПб., 1900.

²⁹ Там же.

³⁰ *Laine A. Introduction au droit international privé. P., 1888.*

теории статутов XVII в., и в доктрине других европейских стран в XVIII–XIX вв. Во-вторых, в своих рассуждениях о личном статуте Шаллин четко формулирует специальную коллизионную привязку «закон места учреждения опеки», которая закреплена во всех современных законодательствах. Действительно, Шаллин (как подавляющее большинство его предшественников и современников) не смог выстроить какой-либо целостной теории конфликтного права, но его умозаключения сыграли немалую роль в построении этой теории.

Денис Симон (Denis Simon, годы жизни неизвестны), советник гражданского и уголовного суда в провинции Бовэ, автор «Исторической библиотеки основных авторов гражданского права» (*Bibliothèque historique des principaux auteurs du droit civil*). В заключение первого тома своей «Библиотеки», опубликованной в 1692 г., он включил диссертацию: «В каких случаях кутюмы являются реальными, персональными или смешанными» (*Dissertation en quels cas les coutumes sont réelles, personnelles ou mixtes*)³¹. Симон одним из тех французских ученых XVII в., который принял доктрину д'Аржантре.

Диссертация Симона намного короче диссертации Шаллина. Однако как резюме теории статутов труд Симона является более полным и системным; автор изучал не только работы д'Аржантре, но и произведения голландского ученого Н. Бургундуса, который черпал свои идеи прежде всего у «бретонского комментатора». По утверждению А. Лэне, Симон в большей степени вдохновлялся доктринами бельгийских и голландских юристов, чем непосредственно мыслями самого д'Аржантре.

С точки зрения Симона, «кутюм домицилия дает правоспособность лицу, чтобы заключать сделки, поэтому данный кутюм не обладает силой в отношении имущества, находящегося под силой кутюма, запрещающего отчуждение вещи. Кутюм не может обязать или объявить недееспособным лицо, которое не является его субъектом, но кутюм может ввести положение о недвижимости, находящейся на его территории, о невозможности отчуждения или ухудшения положения, даже для

иностранцев, если они не обладают определенными качествами»³².

Диссертация Симона интересна прежде всего с исторической точки зрения – как свидетельство распространения и восприятия системы д'Аржантре во Франции в конце XVII в. В литературе XIX в. Симона называли «юристом нижнего звена»³³. Этот автор (как и 30 лет до него Шаллин) практически без какого-либо анализа (во всяком случае, без какой-либо критики) просто принял систему реальных, персональных и смешанных статутов.

Денис Лебрэн (Denis Lebrun, ум. в 1708 г.), адвокат в Парижском парламенте, автор «Трактата об общности имущества» (*Traité de la communauté*) и «Трактат о наследовании» (*Traité des successions*). Лебрэн изложил свое мнение о правилах разрешения коллизий кутюмов в «Трактате об общности имущества», вышедшем в свет после смерти автора. Рассуждения этого ученого свидетельствуют о том значительном влиянии, какое к концу XVII в. сумела приобрести теория д'Аржантре.

Лебрэн принимает эту теорию, но открыто не соглашается с тем или иным правилом, сформулированным «бретонским комментатором». При этом Лебрэн либо старается либо не упоминать о существующих исключениях без крайней необходимости, либо пытается согласовать теорию д'Аржантре и противоречащие ей решения практических вопросов. В результате получается очевидная непоследовательность. Это, в свою очередь, вызывает противоречивые оценки теории самого Лебрэна: например, А.Н. Мандельштам считает, что он находился под сильным влиянием д'Аржантре³⁴; А.А. Мережко пишет, что в произведениях Лебрэна можно заметить лишь «отдельные признаки влияния д'Аржантре»³⁵.

В общем виде теорию Лебрэна можно изложить следующим образом: личный статут должен определять положение лица, не упоминая о вещах.

³² *Simon D.* Bibliothèque historique des principaux auteurs du droit civil. Beauvais, 1692. Цит. по: *Laine A.* Introduction au droit international privé. P., 1888.

³³ *Laine A.* Introduction au droit international privé. P., 1888.

³⁴ *Мандельштам А.Н.* Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т. I. СПб., 1900.

³⁵ *Мережко А.А.* Наука международного частного права: история и современность. Киев, 2006.

³¹ *Meili F.* Geschichte und System des Internationalen Privatrechts. Leipzig, 1892.

Реальный статут или регулирует какое-либо особенное действие лица, или говорит об имуществе. Например, *Senatusconsultum Vellejanum* относится к реальному статуту, потому что он устанавливает особенную недееспособность женщин к поручительству. Кроме этого данный статут имеет запретительный характер (*prohibitif et pas favorable*)³⁶, следовательно, действует только на своей территории. К реальному статуту относится и определение размера недвижимости, которую супруги могут подарить друг другу на случай смерти. С первого взгляда складывается впечатление, что Лебрен в точности следует доктрине д'Аржантре. Однако дальше из своих общих правил Лебрен делает столько исключений, что от системы д'Аржантре мало что остается.

В «Трактате об общности имущества» Лебрен исследует, какой кутюм должен применяться к вопросу управления совместным имуществом. Он считает, что режим общей собственности имеет характер личного закона и распространяется на все имущество, где бы оно ни находилось, в силу молчаливого согласия со статутом домицилия. Лебрен подчеркивает, что это согласие распространяется не только на отдельные акты, но и на правовой статус супругов в целом. Из этого постулата он делает неожиданный вывод – следовательно, в теории д'Аржантре нет ничего, чтобы противоречило понятию личного закона.

При этом Лебрен отлично осознает, что его рассуждения полностью нарушают положения, сформулированные «мэтром» д'Аржантре. Лебрен пытается оправдаться: «Д'Аржантре считает определение правового положения лица, содержащееся в статуте, исчерпывающим и независимым от правового положения его имущества, достаточным для того, чтобы статут именовался личным. Действительно, кажется, что в брачном соглашении супругов должно быть уделено внимание положению имущества. Но даже неуклонное следование этому правилу не выявит изрядного числа статутов, которые можно назвать личными. Если лицо в соответствии со статутом признано совершеннолетним, и на него возлагается ответственность по имущественным обязательствам

вместе с правом его отчуждения, то мы, руководствуясь возможными юридическими последствиями, в некотором роде принуждены признать статут и правовой режим общего имущества личными, вопреки мнению господина д'Аржантре»³⁷.

Если следовать теории д'Аржантре, супруг обладал бы неограниченной властью и мог бы лишить супругу тех прав, какими она наделена силой молчаливого признания правового режима общего имущества, осуществляя раздел этого имущества в Бретани или иной области писаного права. Следовательно, утверждает Лебрен, нельзя говорить, что этот кутюм имеет вещный характер, что, например, кутюм Нормандии, который запрещает режим совместного имущества, распространяет свое действие на все имущество, находящееся на территории этой области. По обыкновению, кутюм реален, и это справедливо, но также справедливо и то, что существуют личные права и статуты, которые наделяют правом, запрещают, отстраняют, определяют возраст совершеннолетия, подчиняют сына власти отца, а жену – власти мужа.

Лебрен подчеркивает, что расценивать право общего имущества и статут, его содержащий, как персональные, необходимо ввиду порождаемых ими последствий. В доказательство своих выводов Лебрен приводит многочисленные решения Парижского парламента, закрепившие это положение: «Утверждение подобной судебной практики высокими властями было тем более необходимо, потому что обычай, признающий право общего имущества личным и составляющий одно из начал права, порожден неотступным соблюдением правил и упрочен благодаря своим правовым последствиям»³⁸.

По мнению Лебрена, статут, позволяющий женщине завещать, не испрашивая согласия мужа, также является личным. Он ссылается на решение Парижского парламента от 26 июля 1679 г., где статут истолкован подобным образом, и приравнивает его к решению, наделяющему женщину полной дееспособностью. Лебрен утверждает, что управомочивающий статут должен быть признан личным, потому что влияние, оказываемое им на правовое положение лица, беспримерно; об иму-

³⁶ *Lebrun D. Traité de la communauté. P., 1723. Цит. по: Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т. I. СПб., 1900.*

³⁷ *Ibid.* Цит. по: *Laine A. Introduction au droit international privé. P., 1888.*

³⁸ *Ibidem.*

ществе не следует и говорить. Это влияние распространяется на все сделки, на все нотариальные и процессуальные действия женщины: «Следуя определениям, данным господином д'Аржантре, статут должен быть признан личным в силу двух имеющихся у него признаков: умолчание об имуществе и исчерпывающее определение правового положения женщины. Одного умолчания об имуществе без определения положения лица было бы недостаточно, как и определения положения лица, если бы оно не было всеохватным. Вот в чем состоят принципы господина д'Аржантре, и основания приведенного судебного решения»³⁹.

Лебрен точно излагает принципы д'Аржантре, но решение от 26 июля 1679 г. не имеет к ним никакого отношения. Статут, позволяющий женщине завещать свое недвижимое имущество, не соответствует условиям, необходимым для признания его личным с точки зрения д'Аржантре. Оценка способности женщины завещать недвижимости в качестве личного статута находится в полном противоречии с его теорией. Данный статут очевидным образом регулирует положение имущества и, кроме того, наделяет женщину лишь ограниченной (а не общей) дееспособностью, распространяющейся лишь на завещательный акт. Лебрен сам признает, что статут имеет целью наделить женщину перед смертью той свободой, которой она была лишена всю жизнь. На самом деле решение 1679 г. дважды противоречит системе д'Аржантре.

Усилия, затраченные Лебреном, чтобы скрыть противоречие между системой д'Аржантре и судебной практикой XVII в., чрезвычайно показательны. Вряд ли Лебрен хочет ввести своих читателей в заблуждение, тем более, вряд ли он сам это заблуждение разделяет. Представляется, что причина таких построений Лебрена заключается в том, что в конце XVII в. теория д'Аржантре уже была признана многими юристами, но судебная практика продолжала идти другим путем. Никто из юристов или судей не желал ради идей д'Аржантре отказываться от устоявшегося способа разрешения конфликтов. В данной ситуации было два выхода: воспринять теорию в целом, допуская исключения и компромиссы, например, сохранив свойства личного закона за теми статутами, которым теория придала вещный характер, или при-

бегать к ухищрениям, скорее похожим на обман⁴⁰. Лебрен предпочитает первый выход: он признает личный характер кутюма в отношении режима общего имущества и делает такой же вывод и в отношении кутюма о праве замужней женщины составлять завещание.

***

Судебная практика только в вопросах наследования держалась высказанного еще в XVI в. принципа, что «кутюмы реальны», т.е. в каждой провинции недвижимости подчиняются местным законам; но уже для формы завещания она отнюдь не требовала соблюдения той, которая известна была кутюму места нахождения недвижимости. Французские парламенты в течение всего XVII в. не вынесли ни одного решения сообразно с правилами д'Аржантре в отношении правоспособности; наоборот, многие решения игнорировали его требования. Судебные решения противоречили теории д'Аржантре и в вопросе о форме завещания. По свидетельству многих авторов, такая судебная практика была обусловлена непреходящим влиянием итальянской доктрины; особо показательным явилось решение Парижского парламента от 28 августа/2 сентября 1600 г., которое составило прецедент.

Парламент Парижа высказался за личный статут в столь неоднозначном вопросе, как режим общего имущества супругов. Многочисленные решения признали супругов, живущих и сочтанных браком в Париже, нераздельно владеющими имуществом, приобретенным во время брака, каким бы ни было его место нахождения – расположено ли оно в области дотального или, например, в Нормандии, где существовал запрет на совместное владение. Такой подход был предложен Ш. Дюмуленом и узаконен решениями Парижского парламента. Вокруг этой насущнейшей проблемы велись ожесточенные споры: сторонники реальности кутюмов видели единственное решение в обременении имущества, подтверждением чего являлась, по их мнению, практика парламента Нормандии, не допускавшая уклонения от вещного статута.

При этом сторонники реальности кутюмов обосновывали свои выводы довольно своеобразными аргументами. Римский юрист Гай, опре-

³⁹ *Ibidem*.

⁴⁰ *Laine A.* Introduction au droit international privé. P., 1888.

деляя гражданское право различных городов, утверждал, что каждый народ имеет собственные законы, обязывающие его и подчиняющие его своей власти. Следовательно, кутюмы для своих территорий являются тем же, чем гражданское право было для Рима: выражением духа нации, ревностно блюдущей себя от посягательств. Римский юрист Павел говорил, что гражданское право, присущее жителям Рима, за его пределами лишалось силы, подразумевая, что не следует подчиняться тому, кто желает распространить свою власть на чужие земли. Статутарии часто приводили это правило в качестве, доказывая максимуму «*statut extra territorum jubenit impune non paretur*». Однако это известное латинское выражение переводилось ими весьма знаменательно: «Кутюмы – это высший закон, но они повелевают единственно в своем государстве»⁴¹.

Парламент Парижа пренебрегал различием между общим и специальным положением лица: с момента объявления этого лица дееспособным или недееспособным его статус принимался в расчет, и закон становился личным. Например, ст. 422 кутюма Нормандии наделяла бездетного вдовца правом распорядиться в завещании третьей частью общего супружеского имущества, оговаривая при этом, что завещание будет действительно, только если завещатель прожил более трех месяцев после его составления. Парламент Парижа определял этот статут как личный, ввиду чего данное правило не распространялось на тех, кто имел домицилий в Париже, поскольку парижский кутюм подобных норм не содержал.

Все парламенты (Нормандии, Бретани, Парижа) высказались за личный статут в вопросе совершеннолетия. Их решения наделяли лицо, получившее в 20 лет по закону места своего проживания полную дееспособность, правом отчуждать, закладывать и любым иным образом распоряжаться (без возможности реституции) принадлежащим ему имуществом, даже если имущество расположено на территории (например, в Париже), подлежащей действию кутюма, по которому полная дееспособность наступает только по достижении 25 лет. Сходные решения были вынесены и в отношении кутюмов Мена, Анжу, Бурбонне, жители которых наделялись полной дееспособностью в 20 лет, но

с правом реституции: те, кто понес убытки в результате совершенных сделок, могли восстановить исходное положение дел в областях, где местные кутюмы реституцию не допускали⁴². Напротив, проживающему на территории, где возраст совершеннолетия равнялся 25 годам, было отказано в праве распоряжаться имуществом, находящимся в Нормандии, по причине недостижения указанного возраста, несмотря на то, что местный кутюм устанавливал совершеннолетие в 20 лет.

Судебная практика по этим вопросам была настолько устойчивой, что юристы-теоретики не надеялись ее изменить и, подчиняясь авторитету суда, пытались приспособить старое учение к новому. Не нужно строго следовать букве закона – нужно умело сочетать его смысл с велением разума, т.е. уступить силе вещей. Французские юристы отказались от ограничительного толкования личного статута и, одновременно учитывая вечность кутюмов, заявили, что статут должен быть признан личным, если более всего прочего затрагивает положение лица, определение же этого положения в целом – необязательное условие.

По мнению Ф. Лорана, подобные судебные решения породили разногласия между парламентами и юристами-практиками, убежденными сторонниками действительности (т.е. принципа реальности кутюмов). Реалисты-практики, полностью принимали личный статут в отношении правового положения лиц, но «искали способы избежать последствий, вызываемых применением личного статута, пытаясь наложить на него наиболее строгие ограничения»⁴³. Большим подспорьем для этого служили рассуждения д'Аржантре. Эпизодически юристы-практики «поднимали скандалы» из-за того, что парламенты сочли статут об общем имуществе личным. Тем не менее, они покорились власти парламентов, и «худобедно приспособили старое учение к новому, уже пробившему себе дорогу»⁴⁴.

Вряд ли можно согласиться с утверждением А. Лэне, что ученые «аплодировали» такому правосудию⁴⁵, однако они явно были далеки от того, чтобы бороться с подобной судебной практикой.

⁴² *Ibidem*.

⁴³ *Ibidem*.

⁴⁴ *Ibidem*.

⁴⁵ *Laine A. Introduction au droit international privé. P., 1888.*

⁴¹ *Laurent F. Droit civil international. Bruxelles, 1880.*

Французские юристы не предпринимали попыток изменить сложившуюся судебную практику, наоборот, они искали для нее теоретическое обоснование и приспособляли к ней свои рассуждения. Решение от 28 сентября/2 сентября 1600 г. было одобрено всеми известными учеными. Решения о форме завещания также нашли всеобщее признание. Несколько по-другому складывалась ситуация с режимом общего имущества, но причиной этого были не разногласия между судами и учеными, а различные мнения самих ученых по этому вопросу.

Итальянская теория статутов подразделяла законы на две главные категории: статуты реальные и персональные; «бартолисты» таким образом выступили против принципа абсолютной территориальности статутов. От них теорию переняли французские «статуарии» – юридическая школа, с XVI в. занимавшаяся вопросами международного частного права. Однако независимо от противоположности направлений, в самой технике разрешения конфликтов ни судебная практика XVII в., ни ученые-юристы императивно не следовали приему, который (по словам д'Аржантре) сделался обычным в XVI в., – они отнюдь не считали, что все законы размещаются исключительно в двух группах в зависимости от своего объекта и своего территориального действия⁴⁶.

Сторонники итальянской школы были склонны произвольно персонифицировать статуты, а для статутариев (по крайней мере, для д'Аржантре – главы реалистов – и его последователей) преобладающими были вещные свойства статутов. Однако за исключением этого аспекта теория и у тех, и у других одна. Это традиционная теория статутов, где по большому счету доминирует территориальный подход.

Почему же система д'Аржантре имела такой незначительный успех во Франции XVII в.? Это не было обусловлено исключительно случайными причинами. Объяснение содержится в одной фразе: учение д'Аржантре было для тогдашней Франции анахронизмом. Настроения, выразителем которых оно являлось, были современными, но не носили общего характера. Существовали провинции, подобные Бретани, где стойко держалась память о прежней независимости, где желали сохранить

полноту юридической автономии; существовали юристы, подобные д'Аржантре, проникнутые этим духом. Но они составляли слабое меньшинство.

Учение д'Аржантре возникло после победоносных «сражений» Шарля Дюмулена за единство власти и единство права; накануне правления Генриха IV, Ришелье и Людовика XIV. Нежелание судебной практики суживать сферу применения личных статутов объясняется еще и тем, что тон задавали юристы, группировавшиеся вокруг Парижского парламента. Юристы, которым было необходимо сделать выбор между учением д'Аржантре и традиционной теорией, – это, в основном, комментаторы кутюмов Парижа, склонные рассматривать данные кутюмы не как провинциальное право, а как общенациональное французское право. Естественно, что от них нельзя было ожидать приверженности идеям, противоположным их собственным. Ввиду этого достаточно удивительно читать П. Шаллина, высказавшего в 1666 г. мысль, что анжусец в возрасте 20 лет, т.е. совершеннолетний по закону своей провинции, не может вступить в права наследства, находящегося в Париже или Орлеане, потому что полная дееспособность там приобретает только по достижении 25 лет.

Отношение французских ученых XVII в. к теории д'Аржантре лучше всего иллюстрируют их взгляды на международное наследственное право. В этой области – «твердыне принципа бретонского комментатора»⁴⁷ – Лебрен и Шаллин стараются во всем следовать теории д'Аржантре, но эти попытки оказываются тщетными, и ученые впадают в противоречия. У юристов не возникает сомнения, что переход недвижимости и способ пользования ею должны определяться по *lex rei sitae*, но они отнюдь не желают подчинять дееспособность лица этому закону. Шаллин, который в наибольшей степени воспринял теорию д'Аржантре, искусственно различает способность и неспособность завещать, чтобы по крайней мере отнять силу у завещания, составленного лицом, неспособным на это по своему личному статусу.

Учение д'Аржантре представляет собой поздний плод феодализма, который мог «возникнуть только силой гения и который увял бы без поро-

⁴⁶ Брун М.И. Очерки истории конфликтного права. М., 1915.

⁴⁷ Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т. I. СПб., 1900.

дившего его автора»⁴⁸, если бы такое социально-политическое положение, какое наблюдалось в то время во Франции, было бы повсеместным. Теория д'Аржантре была с восторгом воспринята в Нидерландах и Бельгии, борющихся против испанского владычества. Парадоксально, но факт – теория француза д'Аржантре проникла во Францию из Нидерландов и Бельгии, благодаря

восприятию голландско-бельгийских доктрин французскими юристами. К концу XVII в. благодаря работам П. Шаллина, Д. Симона и Д. Лебрена теория д'Аржантре обладала уже достаточно сильным влиянием. В начале XVIII в. эта теория значительно упрочила свои позиции и была принята на ее собственной родине в трудах Луи Фролана, Луи Булльнуа и Жана Буйе.

Библиография:

1. Брун М.И. Очерки истории конфликтного права. М., 1915.
2. Вольф М. Международное частное право. М., 1948.
3. Гетьман-Павлова И.В. Бертран д'Аржантре в науке международного частного права // Международное право и международные организации. 2010. №
4. Гетьман-Павлова И.В. Наука международного частного права: дозволительный и запретительный статуты в теории Бартоло де Сассоферрато // Журнал международного публичного и частного права. 2008. №
5. Гетьман-Павлова И.В. Наука международного частного права: теория реального и личного статуты в учении Бартоло де Сассоферрато // Журнал международного публичного и частного права. 2008. № 3.
6. Гетьман-Павлова И.В. Шарль Дюмулен – основоположник теории автономии воли в международном частном праве // Журнал Высшей школы экономики «Право». 2009. № 3.
7. Люблинский П. Коллизия // Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. Т. 24. М., б.г. [Электронный ресурс РГБ.]
8. Макаров А.Н. Основные начала международного частного права. М., 1924. [Электронный ресурс РГБ.]
9. Малышев К.И. Курс общего гражданского права России. Т. 1. СПб., 1878. [Электронный ресурс РГБ.]
10. Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т. I. СПб., 1900 // СПС Консультант+
11. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных государств. В 2 т. СПб., 1904–5. [Электронный ресурс РГБ.]
12. Мейер Д.И. Русское гражданское право. 6-е изд. СПб., 1894 // СПС Консультант+
13. Мережко А.А. Наука международного частного права: история и современность. Киев, 2006.
14. Никольский Д.П. Международное право. СПб., 1903. [Электронный ресурс РГБ.]
15. Kalensky P. Trends of private international law. Prague, 1971.
16. Laine A. Introduction au droit international privé. P., 1888. [Электронный ресурс РГБ.]
17. Laurent F. Droit civil international. Bruxelles, 1880.
18. Meili F. Geschichte und System des Internationalen Privatrechts. Leirzig, 1892. [Электронный ресурс РГБ.]

References (transliteration):

1. Brun M.I. Ocherki istorii konfliktnogo prava. M., 1915.
2. Vol'f M. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. M., 1948.
3. Get'man-Pavlova I.V. Bertran d'Arzhantré v nauke mezhdunarodnogo chastnogo prava // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii. 2010. №

⁴⁸ Laine A. Introduction au droit international privé. P., 1888.

4. Get'man-Pavlova I.V. Nauka mezhdunarodnogo chastnogo prava: dozvolitel'nyy i zapretitel'nyy statuty v teorii Bartolo de Sassoferrato // Zhurnal mezhdunarodnogo publichnogo i chastnogo prava. 2008. №
5. Get'man-Pavlova I.V. Nauka mezhdunarodnogo chastnogo prava: teoriya real'nogo i lichnogo statutov v uchenii Bartolo de Sassoferrato // Zhurnal mezhdunarodnogo publichnogo i chastnogo prava. 2008. № 3.
6. Get'man-Pavlova I.V. Sharl' Dyumulen – osnovopolozhnik teorii avtonomii voli v mezhdunarodnom chastnom prave // Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki «Pravo». 2009. № 3.
7. Lyublinskiy P. Kolliziya // Enciklopedicheskiy slovar' Granat. 7-e izd. T. 24. M., b.g. [Elektronnyy resurs RGB.]
8. Makarov A.N. Osnovnye nachala mezhdunarodnogo chastnogo prava. M., 1924. [Elektronnyy resurs RGB.]
9. Malyshev K.I. Kurs obshego grazhdanskogo prava Rossii. T. 1. SPb., 1878. [Elektronnyy resurs RGB.]
10. Mandel'shtam A.N. Gaagskie konferencii o kodifikacii mezhdunarodnogo chastnogo prava. T. I. SPb., 1900 // SPS Konsul'tant+
11. Martens F.F. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannykh gosudarstv. V 2 t. SPb., 1904–5. [Elektronnyy resurs RGB.]
12. Meyer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo. 6–e izd. SPb., 1894 // SPS Konsul'tant+
13. Merezhko A.A. Nauka mezhdunarodnogo chastnogo prava: istoriya i sovremennost'. Kiev, 2006.
14. Nikol'skiy D.P. Mezhdunarodnoe pravo. SPb., 1903. [Elektronnyy resurs RGB.]
15. Kalensky P. Trends of private international law. Prague, 1971.
16. Laine A. Introduction au droit international privé. P., 1888. [Elektronnyy resurs RGB.]
17. Laurent F. Droit civil international. Bruxelles, 1880.
18. Meili F. Geschichte und System des Internationalen Privatrechts. Leirzig, 1892. [Elektronnyy resurs RGB.]